

Лана Ежова

ЛИЛИИ НА ВЕТРУ
ОГОНЬ В ТВОЕЙ КРОВИ
•
ЕЕ ТЕМНЫЕ РЫЦАРИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Лана Ежова

Ее темные рыцари

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2014
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е41

Серия основана в 2011 году
Выпуск 136

Художник
Е. Никольская

Ежова Л.

Е41 Ее темные рыцари: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 346 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1873-2

Очнуться, не помня событий последних двух месяцев, в компании двух привлекательных незнакомцев. Узнать, что стала Гласом Полуночи, неподкупным регулировщиком конфликтов в мире сверхъестественных существ. К кристальной честности получить способности своих помощников: скорость вампира, силу оборотня и вдобавок их самих... Обо всем этом я никогда не мечтала, не грезя о доле супергероя даже в детстве.

К счастью, мир спасти не надо. А вот саму себя, видать, придется. От недруга, укравшего воспоминания, от колдуна, возомнившего себя вторым Румпельштильцхеном, и от собственных рыцарей, к которым под действием магии древнего ритуала тянет магнитом.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Лана Ежова, 2014

© Художественное оформление,

«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1873-2

ГЛАВА 1

Я очнулась в ванне, полной холодной крови.

Нет, так мне показалось со страху — вода тревожно розовела в электрическом свете, и кровь в ней присутствовала однозначно, но в ничтожном количестве. Ароматическая пенка прибилась к бортикам печальными хлопьями. В затылке отдавало тупой болью, ныла левая нога выше колена. Приподнявшись, разглядела глубокую рану, словно кто-то не просто сделал надрез, а еще и поковырялся в нем. Кровь, странное дело, не шла, будто бедро уже начало подживать и водой его всего лишь размягчило.

Откуда это? Что с ногой? Со мной? Что? Не помню...

Не помню... и, кажется, не хочу вспоминать. В голове звон. Ни одной связной мысли, лишь что-то неуловимо-хаотичное и сейчас ненужное.

Пошатываясь, вылезла из ванны на коврик. Кожа на ладонях и ступнях сморщилась от долгого пребывания в воде, все тело чесалось от хлорки. Не вытираясь, накинула халат и полотенцем перетянула ногу — это сейчас кровотечения нет, а если подвигаюсь, вдруг хлынет?

Машинально спустила кровавую купель. Воронка, быстро закручиваясь, втягивала в канализацию воду, мыльную пену и мою кровь. Ого! Всем сюрпризам сюрприз! На дне ванны лежал нож. Судя по костяной ручке и изогнутому лезвию, он не предназначался для кухонных экспериментов.

Находка подстегнула мыслительную деятельность, разгоняя туман апатии. Похоже, рану нанес не кто-то, а я сама. Неужели резала вены? Хм, на ноге? И свести счеты с жизнью я собиралась оригинально — охотничьим ножом? И перерезала не артерию, а тупо поковырялась в «мясе»? Что-то искала? Жуть...

Не знаю почему, но мне захотелось поскорей смыть все следы неудавшегося «самоубийства». Ледяной водой ополоснула ванну и нож. После чего засунула оружие в нишу под умывальником.

И тут я увидела ее.

На полу лежала конусообразная штука серебристого цвета. Если верить фильмам-боевикам, это пуля. Если верить здравому смыслу, что скромный библиотекарь и пуля — понятия из разных несоприкасающихся реальностей, то это непознанная деталь от какого-то странного предмета. Ладно, разберусь потом, а пока пусть полежит на полочке с банными принадлежностями.

Если память совсем не ушла в загул, то аптечка должна быть на кухне, на полке с чаем и специями. Так и есть. Вата, перекись, бинт — все, что мне нужно.

Кровь уже запекалась и не сочилась, да и порез оказался не такой глубокий, как мне поначалу привиделось. Правильно говорил дед, у страха глаза велики. И все же я обработала рану, притом почти не морщась. В кино такие повреждения доводят героев до обмороков. Адских мук не испытала, перевязала быстро. Как бы узнать, нужно ли такие раны зашивать? Или само зарастет? Я ненавидела ходить в больницу: в очередях с бабулями можно заработать ипохондрию — столько разных болячек обсуждают, настоящих и выдуманных, что плохо становится.

За окном глубокая ночь. Задергивая шторы, обратила внимание, что мой кактус чуточку подрос. Вот что значит нырнуть с головой в работу — время летит, ничего не замечаешь.

Чайник, поставленный на огонь, напомнил о себе пронзительным свистом. Заварив зеленый с жасмином, смилостивилась над своим организмом и выпила вожаделенную таблетку обезболивающего. Завтра буду расплачиваться за это россыпью красных прыщей на лице — у меня аллергия практически на любое лекарство.

Высыпав на тарелку печенье, поняла, что, если не посмотрю какую-нибудь комедию, не выдержу и позвоню Тимуру — поплакаться о попытке суицида. И мой верный друг примчится с «лекарством от печалей» — пивом, вяленой рыбкой и солеными орешками. И тогда к прыщам добавятся мешки под глазами и ядреный перегар. Как раз именно то, в чем нуж-

дается девушка с амнезией. Почему я ничего не помню? Что со мной произошло? Нет ответа. Начинаю думать об этом — и виски словно сдавливает холодным обручем.

С чаем, тарелкой печенья в руках и бутербродом в зубах я перешла в комнату. От увиденной картины хлеб выпал изо рта маслом на пол, чай пролился на ковер. На диване — на моем любимом диване! — перед беззвучно работающим телевизором лежал труп.

Боже мой, я попала...

Первую реакцию — страх и оторопь — сменило сомнение. С чего я взяла, что это труп? Может, потому, что он не вскочил на ноги, когда я заорала истошным голосом? А еще он был неестественно бледен, с умиротворенным лицом. Именно так и выглядят мертвецы — я-то знаю точно, так как недавно похоронила деда, а вслед за ним и бабушку. И все же надежда, что я поспешила с выводами, оставалась.

Дрожащими руками поставила посуду на журнальный столик и склонилась над телом. Господи, пожалуйста! Умоляю, пусть он будет жив! Пусть он спит, просто очень-очень крепко...

Ну-ну, не с моим-то счастьем. Я с силой потыкала пальцем в живот незнакомца — никакой реакции, а был бы живой, точно проснулся бы.

Стройное, худощавое тело принадлежало мужчине не старше тридцати лет. Выразительное, красивое лицо с тонкими чертами обрамляли золотисто-пшеничные волосы, находящиеся в состоянии легкой растрепанности, несомненно, стараниями парикмахера. На незнакомце была дорогая одежда: серый костюм, бледно-розовая рубашка, фиолетовый галстук в серую полоску. Из нагрудного карманчика пиджака даже торчал платок, кажется, шелковый. Мертвец посмел лежать на моем диване редкого кофейного цвета, не сняв обувь. К ужасу примешалось раздражение: ненавижу, когда по моему дому ходят обутыми. И мне плевать, что его кожаные туфли наверняка стоят дороже моей мебели, плевать, что он мертв! Я хотела поскорее сбросить наглеца с раритетной вещи, доставшейся мне от родителей. За такую наглость можно и убить!

Стоп! А не я ли его убила? Морозом сыпануло по коже, кажется, все волоски на спине и руках встали дыбом. Память,

гадина, молчала, предательница-совесть затаилась, не подавая ни звука.

Первый вопрос: кто этот гражданин и как он здесь оказался? Второй: как и кто его убил? И третий, самый важный для меня: что делать с трупом?! Наверное, я прирожденная преступница — воображение уже рисовало картинки, как я вывозила Тимура, и, закатав покойника в ковер, мы вывозим его в багажнике автомобиля в ближайшие посадки. Или лучше вообще за город? Ой, а если друг в командировке? Что тогда делать с трупом? Мамочки, о чем я только думаю?! Сейчас чуть успокоюсь и пойду звонить туда, куда полагается.

Нагрудный карман оттопыривался больше положенного. Возможно, там, под щегольским платком, есть какие-нибудь документы? Недолго думая я сбросила шлепанцы и приблизилась к телу. Нечаянно коснулась руки — еще не заоченела. Ага, водительские права на имя Болконского Андрея Николаевича. Ого, как у моего любимого героя Толстого! Жаль, что он умер, в смысле этот Болконский, возле которого сижу, а не писатель... Впрочем, автора «Войны и мира» тоже жалко. А жальче всех, конечно, себя.

Слезы хлынули сплошным неудержимым потоком. Обхватив голову руками, я уселась рядом с бездыханным незнакомцем. Что за жизнь? Из памяти вырван кусок воспоминаний... мертвец на любимом диване... Как же я попала!

— Герда, что случилось? Почему ты плачешь?

Я заорала, когда прохладные пальцы коснулись моих ладоней.

— А-а-а! — Взвизгнув, отскочила назад — и грохнулась на пол.

— Герда! Что с тобой, маленькая?!

Испуг в голосе «трупа», а главное, то, что он назвал меня маленькой, немного привело в чувство. И когда он попытался помочь мне подняться, резво отскочила за кресло.

— Герда, что случилось?

Мужчина медленно спрятал руки за спину, словно показывая, что не собирается больше ко мне прикасаться.

— Ты жив? — спросила неуверенно.

Раз он мне «тыкал» и называл по имени, фамильярничать позволено и мне.

— Разумеется, — кивнул мужчина, удивленно наблюдая за каждым моим движением. — Что со мной станется?

— А почему тогда не реагировал, когда я тебя пыталась растолкать?

— Думал, это новая игра такая — спящий красавец и девушка в коротком халатике, под которым нет нижнего белья...

Проследив за его заинтересованным взглядом, покраснела и туже затянула пояс. Незнакомец — хоть убей, но не поворачивался у меня язык называть его Андреем Болконским! — с деланным разочарованием вздохнул.

Чтобы вернуть ситуацию в нужное русло, я перешла в наступление:

— Что ты здесь делаешь? Кто ты такой? И почему лежишь на моем диване в обуви?

Серые глаза блондина прищурились.

— Герда, мы продолжаем играть?

— Нет. Что происходит?

— Маленькая, ты головой ударилась? — хмыкнул он весело.

А я возьми и признайся:

— Угу. Затылком. Наверное, когда принимала ванну. И теперь не все помню. Тебя так точно.

Блондин выругался. Нет, я не поняла, что конкретно он произнес, если не ошибаюсь, на французском. Но повышенный тон и эмоции в голосе указывали, что он не восхвалял сегодняшнюю прекрасную ночь.

— Затылком? Разрешишь посмотреть?

И он осторожно, как к пугливому животному, двинулся в мою сторону. Признаюсь, сравнение, подкинутое воображением, показалось унижительным. И я безбоязненно развернулась к Болконскому спиной, перекинув влажные волосы через плечо. В защиту взыгравшей смелости скажу, что, желай он мне зла, давно бы свернул шею, ведь в квартире мы одни.

Длинные пальцы аккуратно дотронулись до моей головы. Легкие, нежные касания оказались нестрашными и приятными.

— Ничего нет, ни ссадины, ни гематомы, — сообщил он, продолжая массировать уже шею и плечи. — Ты уверена, что ударилась, Герда?

Мое дурацкое, ненавистное с детства имя из его уст прозвучало мягко, словно оно ему нравилось.

— Лазарус! Тварь! — рыкнули позади. — Убери от нее свои грабли!

Чуть не получив разрыв сердца, прижалась к груди гостя, который тотчас охотно обнял.

— Не ори, Руслан, имей совесть, — хладнокровно отозвался блондин.

— Кто из нас ее еще имеет! Пока я объезжаю супермаркеты в поисках шоколадного торта с клубникой, ты лапаешь мою Герду!

Его?! Удивленно хлопнув ресницами, обернулась посмотреть на объявившегося собственника. На пороге комнаты застыл высокий шатен с очень злыми зелеными глазами. Темно-синие джинсы с кожаным ремнем и черная футболка с географическим принтом не скрывали атлетического телосложения, подчеркивая рельефную мускулатуру. Ого, какой крупногабаритный парень... Жаль, что симпатичную внешность сейчас портило выражение ярости. Ух, теперь я представляю, каков убийственный взгляд!

— Лазарус, оглох? Прочь руки от Герды! Или они прилипли? Так я могу помочь их отодрать!

По тону стало понятно, что отдерет он их насовсем, сделав светловолосого инвалидом. Придется вмешаться — или трупы в моем доме все-таки появятся.

Я открыла рот, собираясь потребовать, чтобы они сбавили обороты, как Болконский — или Лазарус? — меня опередил, сдержанно заметив:

— Руслан, успокойся, ты пугаешь Герду. Пока тебя не было, кое-что произошло, ты должен знать...

— Что? Ты... ты посмел прикоснуться к ней, гад?!

Я не поняла, о чем вообще шла речь, но шатен вдруг оказался рядом с нами. И неуловимым движением отшвырнул от меня блондина. Врезавшись в стену и отскочив от нее резиновым мячом, Болконский налетел на Руслана. Сцепившись, мужчины смерчем завертелись по комнате. Сначала я, зажав рот ладонями, забилась в уголок из опасений попасть под раздачу. Но слыша, как трещит мебель и разбиваются вазы из коллекции бабушки, не выдержала.

И завопила:

— Прекратите! Да кто вы вообще такие? И что делаете в моей квартире?!

Парень, называемый Русланом, удивленно обернулся, нарываясь на удар по почкам. Даже не скривившись от боли, он встревоженно воскликнул:

— Герда, ты не помнишь, кто мы?

— Нет! Не помню! — Хотелось добавить «придурки», но в последний момент чудом сдержала рвущееся слово.

Драка мгновенно закончилась. Мужчины обеспокоенно переглянулись и уставились на меня.

Тот, кого называли Лазарусом, несмотря на совершенно иное имя в водительских правах, вздохнув, принялся рассказывать:

— Увидев меня, Герда испугалась. Думаю, у нее частичная амнезия. Возможно, она ударилась, поскользнувшись в ванной. Или повлияло то, как мы втроем провели вечер.

Втроем провели вечер?! Мама дорогая! От пронесшихся в голове страшных и пошлых, а точнее, страшно пошлых предположений мне стало дурно.

— Ребят, в конце-то концов! Ответьте, кто вы такие?!

— Я — твой парень, — прозвучало одновременно.

Я доверяю своему чутью — оно всегда подсказывает, когда мне лгут. Сейчас оно молчало, не возражая. Не сдержав смущенный смешок, чувствуя себя в глупейшей ситуации, полюбопытствовала:

— Что? Оба сразу?

Незнакомцы синхронно кивнули.

Я встречаюсь с двумя сексуальными мужчинами одновременно? Нет. Не может быть. Я еще раз взглянула на их серьезные лица. Нет. Да ну на фиг! Мое впечатлительное сознание посчитало так же — комната поплыла перед глазами, и я позорно грохнулась в обморок.

Далекий разговор вторгся в сознание, пробуждая его от вынужденной спячки. Я лежала на любимом диване. Одна. А сквозь неплотно прикрытую дверь долетал спор, разгоравшийся на кухне.

— Это наш шанс начать все сначала, — произнес, если не ошибаюсь, блондин.

— «Наш»? Лазарус, иди в пень, мерзавец, это мой шанс! — Руслан послал оппонента совсем иным маршрутом, но не стану же я повторять вслед за ним? Я, внучка филолога, собирав-

шего современный фольклор, банальные ругательства произносить стыжусь. — Вспомни, ты от нее отказался. Как ты там сказал? Не люблю рыжих, кажется?

Рыжих, значит, не любим? Ну-ну... минус одно очко Болконскому. А вообще я не рыжая, я золотисто-русая... точнее, очень золотистая... ладно, рыжая я. Гадская совесть не даст соврать даже самой себе. Вот что за жизнь, а? Даже мысленно лгать не могу, патологическая честность не позволяет!

— Рыжих — да, не люблю, но ведь Герда золотисто-русая, — нашелся Лазарус, и я, расплывшись в улыбке, вернула снятый балл, накинув еще один сверху.

— Прекращай паясничать, давай решать, что будем делать.

— Ничего. Меня устраивает, что из ее памяти исчезли два месяца. Нам дана вторая попытка, и я ее не упущу.

Два месяца?! Шокированная, я с трудом сдержала порыв заорать. Как два месяца?! Не может быть!

— Хочешь переиграть наше знакомство с Гердой, сделав его идеальным? А что будет, когда она все вспомнит? — Голос Руслана источал яд. — Еще вчера она нас едва терпела, полагаешь, такие эмоции стираются вместе с воспоминаниями?

— Я убежден в этом. — Мой первый знакомец подкрепил свою уверенность аргументом: — Ах, как трепетно она ко мне прижималась в испуге, когда ты, вернувшись, начал кричать... Мм...

Я покраснела. Голоса на кухне смолкли, сменившись неприятной возней. Кажется, там... нет, судя по треску стульев, там точно дрались. Неугомонные! Разнесут мне квартиру! И когда я уже отважилась броситься на помощь несчастной мебели, драчуны возобновили диалог.

— Лазарус, а ты не думал, что амнезия — это не последствие удара? А целенаправленная магическая атака?

— Кому-то костью в горле стало новое расследование Глаза? А что, вариант. Только почему заклинание подействовало через три-четыре часа после нашего возвращения домой?

— Отсроченного действия? — предположил Руслан. — Нужно позвонить в Совет, пускай пришлют мага, чтобы считал остаточные следы с Герды.

— Не выйдет — наша девочка, как всегда, принимала ванну с ароматической солью, а она, если не забыл, стирает отпечатки чужой силы.

Мужчины говорили еще о чем-то, но я больше не слушала. Магия? Заклинания? Кто из нас ударился головой? Я не верю в колдовство, хотя мою бабушку называли волшебницей. В переносном смысле, конечно. Закончив преподавать в школе язык и литературу, она занялась изготовлением домашней косметики. И небольшая группа довольных клиентов обеспечивала ей доход, в несколько раз превышающий пенсию. Лосьоны, тоники, маски и крема творили чудеса — видные дамы города ссорились за право войти в число избранных. И все же магией там и не пахло, просто знания химии, физиологии и сила природы. Я убеждена, что в бабушкиных снадобьях не было ничего сверхъестественного, ведь мне они не помогли...

От грустных мыслей отвлекла перебинтованная нога. Она чесалась. Ужасно сильно. Кожу бы содрала под повязкой! Но пошевелиться не могла, иначе выдала бы себя — от малейшего движения старый диван скрипел, как столетнее рассохшееся дерево в ветреную погоду.

— Значит, решено. Ни Главу, ни Вожака, ни Мастера в известность о случившемся не ставим, — подытожил разговор Руслан.

— Решаем проблему с памятью сами, — легко согласился собеседник.

— Только, Лазарус, давай по-честному. Если молчим, то оба.

— Ты за кого меня принимаешь, кошка, молью не добитый? — возмутился блондин. — Я не собираюсь дарить козырь тому, кого планировал свергнуть два месяца назад!

— Ладно-ладно! Своего Мастера ты ненавидишь, я помню.

Некоторое время на кухне царил тишина. Затем Руслан задумчиво произнес:

— Может, Томасовскому позвонить? Вдруг он знает, как вернуть Герде память?

Ни упоминание магов, ни каких-то мастеров с жожаками не вызвало во мне столько эмоций, как фамилия бабушкиного давнего приятеля, так называемого друга семьи. Артур Томасовский — отвратительнейший старикан в мире. Презрительная гримаса, появляющаяся всякий раз, когда я входила в комнату, где они пили с бабулей чай, до сих пор заставляла злиться. А его полные «остроумия» фразы! «Раиса, сделай

что-то со своей внучкой, ты ведь мастерица красоты. Или сапожник без сапог?» Век бы не слышать! Хуже старикана Томасовского только его внук, названный в честь деда Артуром. Холёный мужчина, привлекательность которого портило брезгливое выражение лица, точно такое же, как у старшего родственника.

С Артуром-младшим я познакомилась, когда мне исполнилось шестнадцать, почти через год, как переехала жить к бабушке. Она отправила меня за Томасовским. И я, стремясь выполнить просьбу, зашла в дом, когда на стук никто не ответил. Вот там-то я впервые и увидела внучка... Красавец Артур усердно трудился над блондинкой, стонущей так, что я сначала решила, будто он ее убивает. Чем-то я себя выдала. Мужчина поднял голову. Его затуманенный взгляд задержался на моих губах, после чего он ухмыльнулся и поманил пальцем. Меня! Шестнадцатилетнего нескладного подростка, впервые своими глазами увидевшего сцену секса. Я рванула прочь, словно за мной гнались черти из пекла, подгоняя под зад вилами. Младший Томасовский бросился вслед, к счастью, прикрыв свои... хм... чресла простыней.

— Ты ведь Герда, да?

Обогнав, он встал на пороге, чему-то довольно улыбаясь.

Залившись краской стыда и потупившись, я кивнула.

— Что ты хотела, Герда?

Заикаясь, передала приглашение бабушки.

— Девочка, тебе ведь понравилось то, что ты увидела? — вкрадчиво поинтересовался Артур.

Пораженная, я взглянула ему в глаза. В них кружилась тьма. И не просто тьма, а что-то липкое и грязное...

Когда я отрицательно затрясла головой, он схватил меня за подбородок и, улыбаясь, возразил:

— Врешь. Ты в том возрасте, когда близость мужчины и женщины вызывает любопытство. Я могу тебя просветить... теоретически. Моя подруга и не подумает возражать, если ты захочешь понаблюдать за нами в ознакомительных целях.

— С удовольствием, дяденька! Только за попкорном с фантой в магазин сгоняю!

Нет, конечно, тогда я так не ответила. К сожалению, ни смелостью, ни остроумием в шестнадцать я не отличалась. Я громко заревела, и Артур, хохоча, вытолкнул меня на улицу.

О мерзком предложении, размазывая сопли по лицу, я сказала лишь другу. Тимур Ладов долго возмущался. Затем предложил вместе с ребятами из секции дзюдо встретить этого извращенца на улице и «просветить», что к несовершеннолетним девочкам приставать нельзя.

С трудом отговорила друга от затеи поколотить младшего из Артуров. Что-то мне подсказывало, что тогда о моем позоре узнают родные. А я бы не пережила подобного унижения. М-да, вьюношеский максимализм во всей красе... Сейчас бы я не молчала.

— Так что, позвоним Томасовскому?

— Не надо! — закричала я, выдав себя.

А еще я с удовольствием почесала ногу, и диван громко закрипел. И, лишь вытащив пальцы из-под повязки, осознала: кожа под ней целая и гладкая. Что за чертовщина творится? Этот вопрос я повторила вслух, когда оба якобы моих ухаже-ра вбежали в комнату.

— Что с моей ногой? Еще несколько минут назад там была рана.

Парни переглянулись. И одинаково тоскливые выражения на их лицах мне не понравились.

Роль переговорщика взял на себя блондин.

— Герда, ты веришь в сверхъестественное?

— В барабашек, зеленых человечков и йети? Конечно. — Я насмешливо покивала головой. — А еще я знаю, что есть два страшных зверя — белочка и песец, которые появляются, когда человеческий организм находится в обычно несвойственных ему состояниях.

Лазарус скривился, словно откусил пол-лимона.

— Нет, я имел в виду магов...

— Бабок-цыганок, что снимают с клиентов порчу, сглаз и лишние золотые украшения? — перебила я.

— Нет, настоящих магов. — Блондин, видно невооруженным глазом, терял терпение. — А еще вампиров и оборотней.

— Нет, не верю.

— Неужели никогда не возникало мыслей, что легенды, сказки и страшилки возникли не на пустом месте?

Я задумалась, вспоминая прочитанные в детстве книги. Выражение надежды на лицах парней другую бы заставило соврать. Но, увы, моя совесть начеку.

— Нет.

Простите, мальчики, я скептик и монстров под кроватью в темной комнате не ищу. Ибо не приглашала. А вот в кровать парочка пыталась пробраться... Только не киношных монстров, а тех, что живут среди нас и кажутся обычными людьми, а на поверку... нет, лучше, конечно, не проверять, а держаться от них подальше. Но тут уж я сама виновата — плохо разбираюсь в мужчинах.

— Руслан, вот что с ней делать? — Лазарус поджал губы. — Придется применять шоковую терапию.

— Не вздумай! — Шатен схватил его за руку.

Поздно. Тот уже широко улыбался, демонстрируя длинные, ослепительно-белые клыки.

— Ого! Твой стоматолог — виртуоз. Дашь адрес? Мне не для таких приколов, просто вдруг зубы заболят.

— Я вампир, ты что — не видишь?

Переносицу мужчины разрезала глубокая морщинка недовольства.

— Вижу, глаза есть. А еще недавно нашла в интернете фото девицы, нарастившей себе рожки на лбу, потому что она «демоница». И охота вам издеваться над своими телами? Не понимаю.

Пока я делилась взглядами на издевательства над человеческой плотью, Руслан стянул с себя футболку. Ну а я что? Я не против — жарко в квартире все-таки. Да и посмотреть там имелось на что. Это был торс, достойный восхищения, наверняка предмет гордости шатена и объект черной зависти среди мужчин неспортивного телосложения. Рельефные мышцы, плечи, которые захотелось потрогать... А живот заслуживал отдельного разговора о «кубиках»... Ох, да я готова выучить названия всех мускулов, если он станет живым пособием по анатомии! Больше того, я готова написать оду этому торсу!

К своему стыду, я громко сглотнула. Ниже падать некуда, разве что с дивана, на котором сидела, на пол. Еще хуже, конечно, когда открыт рот, из которого капает слюна. И я сейчас не о бешенстве. Впрочем, нет, о бешенстве, только о том, от которого не спасают уколы.

— Эй! Эй! Ты что делаешь? — возмутилась я, когда Руслан взялся за ремень джинсов.

Он только ухмыльнулся и вжикнул молнией. Я зажмурилась. Правда, не вру. А потом, не справившись с бесстыдным

любопытством, открыла глаза. Рот открылся вслед за ними сам собой. Наготу молодого человека скрывал мерцающий туман. Первая мысль, что мы горим, исчезла, стоило из дымки выступить тигру. Тигру! Мама! Слетев кубарем с дивана, попыталась к выходу из комнаты и наткнулась спиной на Лазаруса, перемещения которого даже не заметила.

— Тихо, тихо... не бойся, — обхватив за плечи, мягко проговорил блондин. — Этот вертигр для тебя не опасен. Хочешь погладить?

— Нет уж, спасибо! Я не дрессировщик, откажусь от эксперимента.

Полосатый зверь, по-человечески тяжело вздохнув, опустил голову. И мне стало грустно. И дико. Потому как вместо нормальной реакции — истерики и нового обморока — я огрызалась. А еще чувство удивления отсутствовало вообще. Словно я не в первый раз видела, как человек превращается в крупного хищника. Мысль, что это фокус или я одурманена галлюциногенным веществом, даже и не пришла в голову. Я не поверила, что Руслан перекинулся в тигра. Я знала это. И воспринимала в глубине души как норму, как самую естественную вещь на свете.

Неужели знания эти пробивались из двух забытых месяцев?

Я хочу найти ответы на столько вопросов! И первые из них обо мне самой. Почему быстро зажила рана? Руслан и Лазарус — кто они мне? Как я провела с ними вечер? Насколько мы близки? И, главное, как я докатилась до такой жизни?!

Я вернулась на диван и начала допрос:

— Итак, я разговариваю с вампиром и оборотнем. А кто тогда я?

— Человек. Очень красивая и обаятельная девушка.

Красноречиво фыркнула, мол, не заговаривай мне зубы, клыкастенький, комплиментами не отведешь мое внимание от главного.

— Человек? Ну-ну, с нереальной регенерацией. Я читаю фантастику, парни, и помню, что раньше царапины у меня заживали, как у всех, несколько дней. И вообще, с чего вдруг я оказалась ранена?

— Тебя подстрелил охотник, — поспешил объяснить блондин. А полосатая кошка — точнее, кот, раз он мужского

пола? — сделала шагок в мою сторону и снова вздохнула, и на этот раз, сдается, что виновато. — Руслан взял почти все пули на себя, но одна зацепила и тебя.

Ах вот оно что! Тигр вздыхает, потому что переживает... гм, да я поэт. Стоп. Вопросы, как Лернейская гидра, которой зря рубят головы: получаешь ответ на один, возникает два-три новых.

— Что за охотник? Почему в нас стреляли? И что делал ты, когда Руслан изображал из себя живой щит?

— Мы попали в ловушку, и, пока вы пытались вести переговоры, я действовал — откручивал головы клятвопреступникам.

Хм, может, если бы ты оставил чужие головы на их законных местах, мы бы все же к чему-то пришли с теми людьми? И тут же новая мысль: а люди ли охотники?

— Да, в основном, — ответил Лазарус, когда я ее озвучила. — Охотниками становятся те, кто столкнулся с миром Полуночи, то есть скрытым миром вампиров, магов, оборотней и прочих созданий Ночи. И чаще всего эти люди видели от нас зло. Или же просто пугались, когда осознавали, что существа из ужастиков не вымысел, а реальность.

Мне кажется, я их понимаю, хоть мне вреда не причиняли, да и особого страха я не испытывала. Так, легкая тревога.

— А теперь вопрос на миллион: зачем я пошла с вами на переговоры с людьми, у которых есть огнестрельное оружие?

Похоже, я поглупела за два месяца, раз подвергла себя опасности.

— Потому что это твоя обязанность — решать подобные проблемы. Ты должна была или договориться с ними, или вышвырнуть из города.

А Лазарус — человек, то есть вампир, прямой. Я прищурилась, вспоминая, под каким пунктом в функциональных обязанностях библиотекаря прописано, что я должна влезать в паранормальную хрень. Правильно, ни под каким.

Пока мой мозг бурно перезагружался, тигр сделал еще один короткий шаг.

— Хм, я сменила работу? И что, за нее платят хорошо? Если оклад полуночного шерифа меньше тройного оклада библиотекаря, я увольняюсь.

Моя ироничная улыбка увяла, стоило Лазарусу назвать сумму. В иноземной валюте. М-да, теперь ясно, как впуталась

в эту историю — во мне выиграла банальная жадность. Какой позор, Герда! Стыдись, меркантильная дурочка...

Когда я убрала руки от лица, тигр стоял едва ли не вплотную и сочувственно смотрел своими золотыми глазами. И я провела по шелковистой шерсти между широко расставленных ушей. И это был самый приятный момент ночи откровений, если, конечно, позабыть о зрелище нагого торса.

Полосатик вздохнул в третий раз, теперь удовлетворенно, и положил лобастую голову мне на колени. Нахал, но такой привлекательный и пушистый.

— Господи, кем же я стала за два месяца? Куда я влезла?

Это были риторические вопросы, но блондин ответил:

— Ты — Глас Полуночи. — Помолчал и с чуть заметным пафосом добавил: — А мы — твои рыцари.

Забавненько... у меня есть свои рыцари. Что еще нужно девушке для счастья? Особенно девушке с провалами в памяти? Осталось только узнать, кто такой Глас.

— А теперь давай начнем все сначала? И будь убедителен, потому что я начинаю бояться за свою вменяемость.

Лазарус неуверенно кивнул и предложил Руслану присоединиться к объяснениям, потому как устал отдуваться за двоих. Я не возражала. И даже отвернулась, когда вокруг полосатого сгустилось дрожащее марево.

— Слушай, тебе не кажется, что наша Герда нервничает больше положенного? — спросил оборотень, застегивая джинсы. — И воспринимает все объяснения враждебно?

— Точно, как я сам не подумал. Мы оба понимаем причину? — Блондин ухмыльнулся.

А я решила, что заору, если сейчас прозвучит чисто мужское объяснение про стервозность, прямо зависящую от неудовлетворенности.

— Да. У Гласа понизился уровень сахара в крови, поэтому просим на кухню, мадемуазель.

Удивившись, я не стала отказываться, хотя давно ограничиваю себя в кондитерских изделиях.

В последовавшем чаепитии присутствовала некая сумасшедшинка. Во-первых, не я хозяйничала на собственной кухне. Во-вторых, обслуживание на высшем уровне имело пикантные нотки — Руслан суетился вокруг, позабыв надеть футболку. И в-третьих, меня заставляли есть шоколадный

торт и пахнущую солнцем клубнику. Для девушки, вечно сидящей на диете, это был железный повод с нее спрыгнуть.

— После применения заимствованной силы Гласу придется ее восстанавливать. И один из способов — съесть что-нибудь сладкое. В этом ты похожа на магов, которые все как один сладкоежки, — объяснял Лазарус.

А Руслан извинился:

— Прости, до потери памяти ты просила шоколадный торт с клубникой, но я нашел их только по отдельности...

Вампир хитро прищурился, хмыкнул.

— Что? — Оборотень подобрался. — Хочешь что-то сказать? Не стесняйся.

— Внимательнее надо слушать.

— Я помню точно твои слова, что Герда заказала шоколадный торт с клубникой.

— Торт и клубнику. Как говорится, мухи отдельно, котлеты отдельно.

— Нет, ты сказал торт с клубникой.

— Хм, амнезия заразна?

Руслан закипал, как чайник на плите, и Лазарус, видно невооруженным глазом, испытывал удовольствие от поддразнивания. Как дети, честное слово!

— Ребят, а расскажите подробнее, что такое Глас и с чем его едят? — попросила я и положила на тарелку третий кусок торта. Да, для моей фигуры наступил апокалипсис, зато вкусовые рецепторы рыдали от счастья. А я буду плакать завтра в спортзале. От перенапряжения.

— Могущество в мире Полуночи сосредоточено в руках контролеров, представителей судебно-исполнительной власти, — взялся объяснять Руслан. — Или как они официально себя называют — Всемирная организация Контроля. Они вмешиваются, когда возникает конфликт, когда преступают всеобщий закон. Или просто когда им выгодно. Не всем нравится подобное вмешательство. И во времена Руси маги, оборотни и вампиры попытались найти альтернативу, ведь хочешь не хочешь, а спорные вопросы возникают часто. Требовался тот, кто станет придерживаться нейтралитета, отстаивая интересы всех сторон одинаково. Тот, кого нельзя подкупить и обмануть, кто не соврет сам. Тот, кто в силе и скорости сможет тягаться с вампирами и оборотнями. И маги создали Гласов из людей с уникальной абсолютной честно-

стью. Таких людей, как ты, Герда. После ритуала, связавшего нас троих, ты получила наши способности и неуязвимость.

— И нас самих, — добавил Лазарус серьезно. — Мы — твои телохранители и опора. Погибнешь ты — умрем и мы, твои рыцари.

— Звучит оптимистично, — криво улыбнулась я, вцепившись в край стола, как в спасательный круг.

— Ближе и роднее нас у тебя нет никого в этом мире, — огорошил Руслан. — Ты можешь во всем нам доверять, мы никогда не обидим и не предадим.

Угу, как же... Даже кровное родство не гарантирует верности. Этих двоих я вообще вижу впервые в жизни. Но заговорила я о другом.

— Если не ошибаюсь, «глас» — старославянское слово, «рыцарь» пришло из Европы. Глас и рыцари — диссонанс, разве нет?

— Первоначально помощников Гласа называли витязями, — пожал плечами Руслан. — Потом, когда ритуал распространился по миру, их переименовали в рыцарей. По мне, называй нас, как тебе удобно.

Хоть горшком, лишь бы не в печь — вспомнилась народная мудрость. Ох, лезет в голову не то, что нужно. Скоро мозги вскипят...

Словно прочитав мои мысли, вампир предложил идти отдыхать.

— Ты сдерживаешься, чтобы не зевать. Поспи, Герда, привыкни к новой информации. Завтра попытаемся восстановить твою память, но, если не выйдет, продолжим твоё просвещение.

— Каким образом ты хочешь вернуть воспоминания? — заинтересовался мой витязь в тигровой шкуре.

— Отправимся на место стычки с охотниками. Вдруг поможет?

Посуду мне помыть не дали. Боюсь, к такому я скоро привыкну.

— Герда, — окликнул вампир, — тебе сложно принять услышанное...

Да ты что? А я и не знала!

— ...но наверняка поможет, если ты рассмотришь свою татуировку. Созданная магией, она убедит тебя в нашей искренности.

— Татуировка?

Только ее мне и не хватало до полного комплекта. Я против подобного «украшательства» по многим причинам. И не сделала бы ее по доброй воле.

— Да, и у нас тоже есть, — подтвердил Руслан и, поигрывая темными бровями, добавил: — Показать?

До пояса его кожа чиста, где же тогда рисунок? И я отрицательно покачала головой. Спасибо, на сегодня потрясений хватит.

— Давайте прощаться. Спокойной ночи, ребята. А я пойду посмотреть свое тату.

Удовольствия от выставления рыцарей-витязей за дверь я не получила. Потому что они не ушли.

— Вы что, расположились в кабинете моего деда? — округлила глаза, когда блондин с шатеном остановились на пороге некогда моей самой любимой комнаты.

— Мы живем через стену, чтобы явиться в тот момент, когда тебе понадобится.

Эту фразу я поняла, лишь когда вошла следом за ними и взглядом уперлась в бронированную дверь напротив. Раньше вместо нее там стоял шкаф с книгами.

— Вы пробили дверь в соседнюю квартиру?!

— Да, выкупив ее у вреднящей старушечки. — Руслан скривился, вспоминая мою соседку.

И я его понимаю. Такую сплетницу, как бабка Фаня, еще поискать. Спорю, что, съезжая, она напоследок пустила слух, что свои квадратные метры продала богатым наркоманам или, хуже, паре нетрадиционной ориентации. Бедные парни...

— Герда, если что-то понадобится, зови — мы услышим, — сказал Лазарус и, понизив голос, добавил: — Почувствуешь себя плохо, не стесняйся, кричи, стирающие память чары опасны. Желательно, чтобы кто-то стерег твой сон, но ты ведь не согласишься?

— Не вижу смысла. Я в порядке.

Парни попрощались — оборотень еще и воздушный поцелуй послал — и скрылись в соседней квартире, а я отправилась посмотреть татуировку. Закрывшись в спальне и встав перед зеркальными раздвижными дверьми шкафа, сбросила халат. И едва не потеряла сознание от потрясения. Одной рукой прикрыла рот, чтобы не закричать, второй ущипнула себя за бедро. Ох! Это не сон! Я видела то, что видела.

Нет, татуировка не покрывала все мое тело. Я ее еще даже не обнаружила. Широко распахнутыми глазами я пожирала свою фигуру. Стройную. Совершенную. Точеные плечи, тоненькая талия, подтянутый животик, выпуклая крепкая попа, стройные ноги со всеми положенными просветами между ними... Воплощение телесной гармонии!

После переезда к бабушке я начала полнеть. И не сразу заметила изменения, потому как лишние килограммы прибавлялись постепенно и равномерно — с типом фигуры «песочные часы» так бывает. Глаза мне открыл бабушкин знакомый, Артур Томасовский. Старик без стеснения обозвал меня глупой гусыней и настоятельно порекомендовал заняться внешностью. Бабушка Рая не спорила, и вскоре я начала пить травяной настой по ее рецепту. Он если и помогал, то только тем, что не давал расплываться моему телу дальше.

Чего я только не перепробовала: диета, бег по утрам, массаж... Подумывала и о булимии, но бабушка бдительно следила за мной, убеждая есть нормально и не отказываться от травок, мол, когда-нибудь они да подействуют. Чуда не случилось. И при каждой встрече Томасовский морщил нос и сквозь зубы цедил, что при виде моей жирной задницы и корових ляжек испытывает приступ морской болезни.

Тимур, верный друг, убеждал, что красота — не идеальное соотношение веса и роста, а манера поведения, увлечения и жизненные убеждения. Я кивала с умным видом, а по ночам рыдала в подушку. Особенно добивала его фраза, что хорошего человека должно быть много. Глупое выражение, которое наверняка придумал тот, кто никогда не имел проблем с лишними кило.

Замечания Томасовского выработали комплекс неполноценности. И, не попытавшись добиться расположения парня, по которому сходила с ума, я довольствовалась тем, кому нравилась неидеальная я...

Потерев лоб, прогнала мысли о прошлом и вернулась к реальности.

Итак, я могу соперничать с голливудскими актрисами, признанными эталонами безукоризненной женской красоты. И мне ужасно интересно, что подарило мне этот шанс. То, что я стала Гласом? Я не помнила себя худышкой, значит, избавилась от лишнего веса в двухмесячный период, который стерт из памяти. А может, подействовали отвары, которые продол-

жала пить и после смерти бабушки? Существовал еще один способ, который в шутку советовал Тимур, способ, рифмующийся с «кексом». И были горячие парни, утверждавшие, что я их девушка... Нет, лучше булимия. Однозначно!

Пристально рассматривая похудевшее лицо, отметила высокие скулы. В сочетании с синими глазами и пухлыми губами они производили ошеломляющее впечатление. Общую картинку совсем не портили нос с небольшой горбинкой и рыжие волосы, которые, как давно убедилась, кого-то могут восторгать, а у кого-то вызывать отвращение. Нет, все-таки я теперь красавица!

Эмоции хлынули через край, превращаясь в слезы радости. Опустившись на кровать и накрыв голову подушкой, дала им волю. Кто тщетно не боролся с полнотой, тот меня не поймет. Наплакавшись, вернулась к зеркалу, ведь приятное открытие не заставило позабыть о татуировке. Забавно, что восприятие фигуры моей мечты не пришло раньше, когда очнулась в ванной. Возможно, из-за того, что халат был по размеру, а не висел мешком? Или ощущение грузности успело позабыться?

Начинаю склоняться к мысли, что должна благодарить за новое тело все-таки ритуал. Если он дал фантастическую регенерацию, то и обмен веществ должен быть таким же.

Осмотрев себя спереди, повернулась к зеркалу тылом. И остолбенела. Начинаясь между лопатками, узкая черная татуировка тянулась вдоль позвоночника до поясницы. Три переплетенные цветущие ветки в окружении каких-то явно древних символов. Шириной в два пальца, четкая, мастерски нанесенная, татуировка казалась живой. Я пошевелилась, поправляя волосы, — сдвинулись с места и веточки. Живые! В самом деле живые! Я долго рассматривала рисунок, трогала, не веря глазам. Убежденность Лазаруса, что татуировка убедит меня в правдивости услышанного, теперь стала понятна. Создать подобное не по силам обычному человеку.

Остаток ночи я провела в полудреме. Тревожный сон сменялся минутами бодрствования, когда я вскакивала с постели и неслась к компьютерному столу, чтобы дописать на листочке очередной вопрос, который задам утром. На сорок первом — буду ли я жаждать крови окружающих, как киношный вампир? — выдохлась и наконец-то крепко уснула.

ГЛАВА 2

На мне лежало восхитительно мускулистое тело и дышало в затылок. Малейшее усилие устроиться удобней воспринималось как попытка выползти на свободу, и в ответ меня сильнее прижимали к земле. На самом деле я не возражала против такой позиции, особенно услышав, как минуту назад вззались пули в гравий невдалеке от нас. Хотя, если бы из кармана джинсов Руслана испарился телефон, зажатый сейчас между нашими телами, я бы чувствовала себя намного счастливей.

— Ты ужасно тяжелый, — пожаловалась шепотом, — я почти превратилась в блинчик.

— Это не страшно, — тотчас отозвался парень, — главное, чтобы не в продырявленную булочку.

Думаю, с регенерацией полуночника это не смертельно... Стоп, он только что назвал меня булочкой?! Бессовестный!

— Кстати, о кондитерских изделиях. А я похудела сразу после ритуала? Или потеряла бездну калорий, побывав в подобных перестрелках? — подавив возмущение, задала мучивший вопрос.

— Хм, не сказал бы, что ты как-то изменилась со дня нашей встречи. Разве что усовершенствовались физические возможности — сила, скорость, регенерация, которые передались от меня и Лазаруса.

— То есть, когда мы познакомились, я уже была такой?

— Какой «такой»? — уточнил заинтригованный оборотень.

Ох, и как теперь говорить о моих проблемах со стратегическими запасами на случай голодовки? Особенно когда сексуальный мужчина лежит сверху?

— Кхм, прошу меня простить, — прозвучал насмешливый голос над нами, — но все уже закончилось. Руслан, встань с девушки, я обезвредил стрелка.

— Долго же ты.

— Думаешь, ты справился бы быстрее? — удивился Лазарус.

— Наверняка. Снайпер-то один был.

— Хорошо, тогда в следующий раз ты ловишь убийцу, а я прикрываю Герду своим телом.

— Ладно-ладно, уже и пошутить нельзя, — пробурчал вертигр.

Приведя в порядок одежду, мы пошли вслед за вампиром к пойманному им стрелку.

Все-таки какое удручающее место... В годы Советского Союза здесь размещался завод строительной керамики, обеспечивающий десятки рабочих мест для города. После развала предприятия один из первых предпринимателей нашей области выкупил часть помещений под производство посуды, ваз, копилки и прочей мелочовки, но почему-то быстро прогорел. С тех пор тут кого-то только не перебивало: тренировались паркурлисты, собирались готы, даже ютилась стая бродячих собак. Но никто здесь надолго не задерживался — место, словно проклятое, отталкивало от себя живых. Даже борцы с порождениями Ночи, охотники, и те быстро свернули свою базу. Хотя тут, скорее всего, виновата наша троица: если верить словам ребят, накануне я выдвинула ультиматум, чтобы они покинули мой город.

Под ногами трещали кусочки шифера, шуршало крошево из кирпича, цемента и стекла. Островки зелени оккупировали бетонные плиты пола, прорастая сквозь щели и кучи мусора. Вот по таким «газончикам» из полыни, одуванчика и спорыша идти страшней всего — существовал риск наступить на гадюку. Говорят, в наших местах водятся только ужи, но их я, увы, боюсь не меньше.

— Скоро? — не выдержала я. — Далек ты затащил несчастного.

— Я не тащил, он сам бежал вглубь, когда понял, что раскрыт. И вообще, нашла, кого жалеть, он ведь стрелял в тебя, — напомнил вампир. — Именно в тебя, Герда, в человека, а людей они клялись оберегать.

— И на готок напали, прекрасно понимая, что девчонки не имеют никакого отношения к Полночи, — нахмурился Руслан. — Напуганные школьницы стали последней каплей в чаше терпения Совета магов, и тебя попросили приструнить беспредельщиков.

— А этот снайпер, он точно из охотников? — Мне не давала покоя мысль, что нам устроили ловушку, словно зная, что мы вернемся сюда. Продуктивно съездили расшевелить мою память, угу.

— Да, на его запястье вытатуирована буква «О», стилизованная под мишень для лучника, — подтвердил широко шагающий вампир. — Его оставили здесь специально, на случай, если решим проверить, подчинились они требованиям или нет.

А Руслан тихо добавил:

— Жирный плюс им за тактику и минус нам — за ее отсутствие.

Дальше двигались молча. Поэтому тишина усилила мои впечатления от зала, в который мы вошли. Расписанные красно-черными знаками стены. На полу в центре — огромная пентаграмма, закапанная черным парафином. Да, готы основательно тут порезвились... Но самое мерзкое ощущение вызвали куклы. Глиняные заготовки — целые и потрескавшиеся голые тельца — валялись повсюду. На безволосых головах выделялись стеклянные глаза, которые, казалось, следили за нами с любой точки помещения.

Признаюсь, мне стало не по себе. И если бы Руслан не взял за руку, я бы ни за что не переступила порог. Оборотень тянул меня словно на буксире, не разбирая дороги, и под нашими ногами с сухим шелканьем лопались глиняные фигурки. И этот звук я никогда, похоже, не забуду.

— Итак, Денис, думаю, ты созрел для разговора? — холодно осведомился Лазарус у слегка помятого мужчины.

Тот стоял, вытянувшись на носочках, подвешенный за наручники на запястьях. Крюком служил кусок стальной арматуры, торчащий из стены.

— Да... Да! Я все расскажу, только не здесь, — поспешно выпалил пленник и прошептал: — Они смотрят...

Я сразу поняла, о ком он. Куклы. Охотник, как я, боялся старых уродливых игрушек.

— Герда, я веду допрос, а ты следишь, чтобы он говорил правду. Хорошо? — Вампир, проигнорировав просьбу, пытливо смотрел на меня, ожидая ответа.

И я кивнула, чувствуя себя в тот миг злобной, бесчувственной гадиной.

А как хорошо начиналось утро! Я проснулась с мыслью, что стала обладательницей фигуры мечты. Лежа в постели, вытянула вверх руку полюбоваться плавными линиями и изящными пальцами. Затем с той же целью подняла пооче-

редно ноги. Легкое тело после сна переполняла звенящая энергия — раньше такой реакции не наступало и после большой чашки кофе. Непередаваемые ощущения! Завершая «ленивую» гимнастику, перевернулась на живот, после стала на колени и, как кошка, прогнулась в спине.

И услышала шумный выдох.

— Это самое эротичное зрелище, что я видел за последние два месяца, — признался сидящий в кресле возле компьютерного стола Руслан.

Первая мысль: бедняжка, у тебя что, целибат? И вторая: с какой радости ты сидишь в моей спальне? Неужели я лишена права на уединение?!

— Что ты здесь делаешь? — Мой голос прозвучал после сна чуть хриловато.

— Стерегу твой сон.

— Чтоб никуда не убежал?

— Типа того. — Парень ухмыльнулся, не отрывая взгляда от моих голых коленок. И хотя мой пижамный комплект скорее скрывал, чем подчеркивал девичьи прелести, я малодушно прикрылась тонким покрывалом.

— А если серьезно?

— Я правда оберегаю твой сон. — И поспешил объяснить: — Под утро тебя мучили кошмары, нам пришлось пару раз будить.

Я нахмурилась. Не помню такого. Вообще не помню, что-бы мне что-то снилось. Надеюсь, хоть не кричала.

— С плохими снами так бывает, — пожал плечами вертигр, когда я поделилась своими сомнениями. — Но так даже лучше. Куда ночь, туда и сон, как говорит одна моя знакомая магичка.

Несколько минут мы сидели молча. Я бы не отказалась остаться в комнате одна, но вышвыривать человека, пожертвовавшего своим отдыхом ради моего, некрасиво.

— Кстати, я просмотрел составленные тобой вопросы. На часть из них мы с Лазарусом, конечно, ответим. А вот что касается истории возникновения феномена Гласа, это не к нам. Если ты не чистила почту, там должны быть письма от твоего куратора. Опытный Глас удаленно помогает советами новичку. Думаю, свои вопросы ты успела задать ей за два месяца.

— А Гласом может быть только женщина? Мне, например, честность передалась от отца.

— Чаще всего Гласом делают девушек. Не подумай, тут никакой дискриминации, просто природа. Это связано с тем, что дамы Гласа-мужчины все-таки физически слабее рыцарей Гласа-женщины.

— Хм, а ритуалом нельзя связать троих мужчин?

Клянусь, Руслан на пару секунд покраснел!

— Насколько я слышал, нет. Маги, создававшие ритуал, задействовали закон противоположных энергий. Ну, знаешь, инь и ян, плюс и минус, женское и мужское начало... Ладно, почитай лучше письма, хорошо? А я пойду.

Начав воодушевленно объяснять, Руслан вскоре споткнулся, а затем и вовсе предпочел удрать. Значит, что-то тут нечисто.

Взглянула на часы — 06:35. Странно, что, не спав полночи, не чувствую усталости. Виновато взведенное состояние? Или звенящая в теле бодрость — один из бонусов Гласа?

Захватив одежду, я отправилась в ванную. Вскоре сквозь шум воды услышала, что кто-то пришел. Не квартира, а проходной двор какой-то! Надо не забыть спросить, на какой срок избираются Гласы. Надеюсь, не как депутаты — столько лет я не выдержу. У каждого из нашей троицы ведь есть и своя жизнь, вряд ли парни согласились перечеркнуть прошлое, чтобы вечность находиться рядом с живым детектором лжи. Да и мне будет обидно лишиться долгожданного повышения в библиотеке, о котором столько мечтала.

Натягивая джинсы и футболку, невольно подслушала забавный диалог, из которого стало ясно, что вампир только что вернулся из «Кофейни». Да-да, «Кофейня», с большой буквы. Владелица, кондитер в третьем поколении, не смогла определиться с названием, сетуя, что все хорошие уже разобрали, а повторяться она не хочет. И теперь, когда произносят «Кофейня», то говорят с чувством и выражением, чтобы собеседники сразу поняли, о каком заведении идет речь. А все потому, что выпечка из пекарни при нем выгодно отличается от любой другой в нашем городе. Работники «Кофейни» — родственники, и оригинальных рецептов у них скопилось немало.

— Жуткие у них пирожные, — откровенничал Лазарус на кухне. — Я минут десять читал одни названия: «Гвоздь», «Шуруп», «Улей», «Шоколадные червячки», «Веселая улитка»... Вот ты бы ел «Шоколадных червячков»?

— Это ведь только названия. — Чувствовалось, что Руслан сдерживает смех. — Я когда заглянул туда впервые, не поверил глазам, прочитав название торта — «Захер». Вот извращения!

— А что тут необычного? Шоколадный торт назван по имени его изобретателя, австрийского кондитера Франца Захера.

— Ого, откуда знаешь?

— Много читаю, и, в отличие от некоторых, нормальные книги, а не опусы господина Захера-Мазоха. Тебе должно быть стыдно, Руслан.

Вампир опять троллил оборотня. Признаюсь, когда-то я тоже думала, что торт назван в честь писателя с противоестественными склонностями. Что поделать, если он известнее какого-то кондитера?

— Застыжусь только после тебя, Лазарус, ты-то ведь тоже в курсе. — Вертигр на провокации не велся, и мой сегодняшний кормилец продолжил повествование о своих «кондитерских» приключениях.

— Я вообще не понимаю, как можно есть некоторые конфеты. Например, эти темно-коричневые шарики, словно козий горох. Фу!

— Ты пробовал козий горох, Лазарус? Да ты экстремал, дружище!

— Не передергивай, ты прекрасно понял, что я имел в виду внешний вид.

Парни упражнялись в остроумии, а я поспешила выйти из ванной, понимая, что после услышанного не то что арахис в шоколаде не стану есть, смотреть на десерты больше не смогу. Может, оно и к лучшему? Вдруг сладости, якобы наполняющие Гласа энергией, со временем наполнят и мою талию новыми килограммами? Нет, я не хочу возвращаться к старому порядку вещей. И поэтому пора прекращать эти вкусные безобразия.

— Доброе утро!

— Доброе утро, Герда.

Моя улыбка истаяла, когда я увидела, что все плоские поверхности в кухне заставлены тортами и пластиковыми контейнерами с пирожными.

— Лазарус, ты ограбил кондитерскую?

— Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, — за-

метил шатен, и тотчас был «обласкан» суровым взглядом вампира.

— Извини, я не знаю твои вкусы, а Руслан, обиженный на мою шутку, молчал как партизан. Поэтому я и взял всего понемногу.

Какую шутку? Это про шоколадный торт с клубникой? Господи, нашли из-за чего дуться друг на друга! Хуже дошколят, а ведь взрослые люди... то есть нелюди. Хм, или полуночники? Как правильно их называть? Размышления натолкнули на очередной вопрос:

— Руслан, кстати, как твоя фамилия?

— Точно, — оборотень хлопнул себя по лбу, — нам нужно познакомиться заново. Булатов Руслан Алексеевич к вашим услугам, моя леди.

И он галантно поцеловал мою руку. Его примеру последовал и Лазарус, сообщив, что в ближайшие двадцать—тридцать лет будет известен как Болконский Андрей Николаевич.

— Почему столько?

— Вампирам приходится время от времени менять личность, чтобы люди не заметили, что мы не стареем.

— А почему ты выбрал известное имя?

Лазарус усмехнулся:

— Взял то, что предложили. Подвернувшийся на тот момент полуночный «паспортист» обладал специфическим чувством юмора.

— Все равно вам с Русланом повезло — у вас замечательные фамилии. — Я вздохнула. А у меня не только чудное имечко, веснушки на носу и рыжие волосы, но и смешные инициалы.

— Яворская тоже звучит неплохо, — возразил вампир.

— Не спорю, но инициалы ужасны: Яворская Гертруда Александровна, попросту Я.Г.А. Меня даже на работе так за глаза называли.

— Не вижу проблемы, — подмигнул оборотень, — выходи за меня замуж, будешь Б.Г.А.

Лазарус поморщился.

— Отстань от девушки, Булатов. Нашел время приставать с матримониальными предложениями. Сначала нужно отыс-

кать того, кто стер Герде память. Потом разобраться с твоим делом. Так и отведенные нам шесть месяцев пройдут.

— Что за шесть месяцев? — Я прекратила поедать глазами коробочку с эклерами. — И что за дело у Руслана?

— Это долгая история, я расскажу ее чуть позже, хорошо? И желательно наедине. — Булатов подмигнул.

— Шесть месяцев — это испытательный срок, который установили маги — создатели ритуала для триумvirата, то есть Гласа и ее рыцарей, — невозмутимо принялся объяснять блондин. — Если союз неудачный, он автоматически распадется через полгода. Если всех все устраивает, связь повторно скрепляют.

Мне стало не по себе. Шесть месяцев? А если точнее, то уже четыре. Почему у меня на душе беспокойно? И горько? Я ведь должна радоваться, что вскоре моя жизнь вернется в нормальное русло?

— Став Гласом, ты посоветовалась с другом бабушки и за-верила нас, что не планируешь продлять ритуал, — несколько обиженно произнес Руслан.

К горечи присоединилась тревога. И недоумение. Я советовалась с Томасовским? С гадким стариканом или его мерзким внуком? Или я чего-то не знаю, или ребят ввели в заблуждение.

— Говоря о друге бабушки, ты имел в виду Томасовского?

— А у твоей бабушки были еще подобные друзья?

Ироничный тон парня мне не понравился. Складывалось впечатление, что меня в чем-то обвиняют.

— Так, давайте завязывать с разговорами. — Вампир хлопнул ладонью по столу. — Завтракайте — и мы выезжаем.

— Куда?

— Уже забыла? Восстанавливать твои воспоминания. Вдруг на месте вчерашнего конфликта с охотниками память вернется к тебе?

Мне бы твой оптимизм, Лазарус...

Как я и чувствовала, хорошего от поездки ждать не стоило.

Мы едва успели войти в первый цех, как от кирпичной стены полетели каменные брызги. Нет, стрелявший сквозь дыры в крыше снайпер не страдал косоглазием — от пули в голову меня спасла подвернувшаяся нога. А дальше Руслан схватил меня в охапку и оттащил за перегородку, да еще и прикрыл

своим телом. Краем глаза успела увидеть смазанную фигуру Лазаруса, взлетевшего по вертикальной стене, как человек-паук. Хотя нет, вампир двигался намного быстрее супергероя комиксов.

— Герда, — шепот Руслана выдернул меня из воспоминаний, — ты наблюдаешь за охотником?

— Конечно.

Как бы я ни хотела обратного, часть сознания следила за ходом допроса. Странно то, что моя чувствительность ко лжи, и не только к ней, возросла многократно и я улавливала малейшие нюансы эмоций стрелка. Из-за этого было даже немного больно — боль шла от затылка к вискам, захватывая все большую территорию.

Фильмы и книги не врут о вампирском гипнозе — я лично прямо сейчас убеждалась в его существовании. Лазарус, глядя жертве в глаза, резким голосом задавал вопросы. И охотник отвечал, скрежеща зубами.

Я ощущала его растущую панику, ненависть к нам троим, бессильную злость и отчаяние. Как ни старался, он не мог устоять против принуждения и рассказывал все: и куда переместили базу, и сколько в братстве человек, и откуда поступают оружие и боеприпасы, и кто из местных властей поддерживает их организацию.

— И последний вопрос, самый важный. Кто отдал тебе приказ убить Герду?

Мужчина застонал и замотал головой.

— Нет... нет... пожалуйста!

Волна животного ужаса захлестнула его, когда Лазарус повторил:

— Кто приказал тебе убить Гласа? Отвечай, Денис!

Из уголка рта охотника побежала струйка крови, словно он пытался откусить себе язык...

— Какая досада — на имя заказчика установлен запрет. Среди наших «друзей» есть ментальный маг? Как любопытно...

Блондин смотрел на пленника с интересом ученого-вживисектора, размышляющего, с какого места начинать препарировать подопытный образец.

— Попытаюсь помочь тебе, Денис. Кивни, если я прав. Заказчик убийства Герды — твой руководитель? Нет? Кто-то из

его окружения? Снова нет? Он имеет отношение к братству охотников?

Тело мужчины изогнулось в судороге — и я схватила Лазаруса за руку. Так нельзя! Это ведь живой человек!

Вампир обернулся и, прочитав мой молчаливый протест по глазам, отрицательно покачал головой. Он собирался добиться ответа любой ценой.

— Хорошо, Денис. Поиграем в «холодно—горячо». Приказ отдал мужчина? Или женщина?

Пленник не ответил — взвыл, яростно вырываясь из стальных пут, разбивая запястья о наручники в кровь.

— К сожалению, он лишился рассудка, — сообщил отнюдь не огорченный Лазарус, — сквозь блок прорваться не удалось, простите.

Взглянув на беснующегося снайпера, его глаза с полопавшимися сосудами, искривленный в крике слюнявый рот, я поняла, что ненавижу. Лазаруса, чья настойчивость превратила мужчину в полоумного. Невмешивающегося Руслана. Саму себя, наконец!

— Ох, господи... вы же монстры!

Я развернулась и бросилась прочь. Подальше от этой мерзости!

Хруст шифера и глиняных черепков под подошвами кроссовок... Я бежала, не глядя под ноги, не боясь змей, возможно притаившихся среди бурьяна. И закономерно споткнулась. Заросли крапивы остудили мой пыл. Подув на волдыри и осмотревшись, поняла, что меня занесло куда-то не туда. Похоже, я только отдалилась от выхода. Глупый поступок, теперь понимаю. Что нервы не выдержали, плохое оправдание. Чтобы не усугублять ситуацию, кричать не стала. Кто знает, вдруг несчастного Дениса прикрывал товарищ, которого витязи не сумели обнаружить? Я сидела на куске обвалившейся стены, в тени, ожидая, пока меня найдут. На месте парней я бы себя потеряла...

Если верить моему чувству времени, прошло пятнадцать минут, прежде чем послышались шаги. Руслан? Мне хотелось бы, чтобы это был он. Кажущийся мягким оборотень пугал меньше хладнокровного вампира. Нет, за мной пришел не Булатов, а Болконский Андрей Николаевич собственной персоной. Ребята, оказывается, неплохие психологи. Как любил

говорить дед-историк, какой бог вымочил, такой и высушит. То есть кто напугал, тот и успокаивает.

Лазарус несколько секунд постоял напротив. Затем, подернув серые брюки, присел на траву, прямо в пятно света, льющегося из пролома в крыше. Разве вампиры не должны сгорать на солнце? Хм, нужно добавить еще один вопрос в мой список...

Теребя былинку бледными длинными пальцами, он заговорил тихо, не торопясь, будто взвешивая каждое слово:

— У каждого рыцаря Гласа своя специализация. Кто-то «щит», а кто-то «меч». Один закрывает собой, второй уничтожает врагов. И когда возник вопрос, кому кем быть, я вызвался стать твоим разящим клинком. Это не поблажка Руслану, у которого, подозреваю, нет чужой крови на руках. И не бахвальство бывшего наемника, знающего, что такое война. Я не боюсь испачкаться и поэтому делаю грязную работу лучше.

Лазарус замолчал. А я по-новому взглянула на него. Ухоженный, одетый в дорогой костюм, безусловно чистый и выглаженный, в пижонскую бледно-лавандовую рубашку, он больше не казался мне бесчувственным монстром. Скорее продуманно жестоким.

— Поверь, я не испытываю удовольствия, причиняя кому-то боль. Но если от этого зависит твоя безопасность и целостность нашего триумvirата, я буду ее причинять.

Вампир поднялся и подал руку. И я не стала отказываться от помощи. Лазарус не отпуская мою ладонь, пока не довел до серебристого джипа, на котором мы приехали. Угрюмый Руслан встретил нас молча, не задавая вопросов. И я решила не спрашивать, куда подевался охотник, понимая, что ответ может не понравиться.

Когда заводские развалины остались позади, я нарушила тишину, царившую в салоне:

— Простите... за монстров.

— Пустяки, Герда, — отозвался оборотень, сидевший за рулем, — это уже в прошлом.

А блондин тихо обронил:

— Глупо обижаться на правду.

Для меня, погруженной в мрачные мысли, время летело быстро. Или это Руслан — замечательный водитель, который умеет ездить быстро, но аккуратно.